
Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 149—160
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.11

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 149—160
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.11

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
И ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА**

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru

Статья посвящена характеристике и динамике развития женских организаций, которые участвуют в решении актуальных социальных проблем белорусского общества, имеющих существенное значение для женщин. Дается общее представление об этих проблемах и женских инициативах, связанных с их разрешением или смягчением. Развитие женских организаций рассматривается сквозь призму гендерного подхода в исследовании проблем, связанных с гендерным равенством. Представлен краткий экскурс в историю развития гендерных исследований и становления женских организаций в Беларуси, дана характеристика современного многообразия этих организаций, выделены их особенности на разных этапах. Рассматриваются эволюция гендерных подходов к вопросу и результаты, достигнутые как женскими организациями, так и отдельными исследователями гендерных проблем. Особое внимание уделено современному этапу, на котором появилось женское протестное движение, не выдвинувшее, однако, специфических гендерных задач и не оказавшее видимого влияния на женские организации в Беларуси.

Ключевые слова: социальные проблемы белорусского общества, проблемы семьи и материнства, женские организации, гендерный исследовательский подход, общественно-политические женские организации, профессиональные организации женщин.

**SOCIAL PROBLEMS OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY
AND WOMEN'S ORGANIZATIONS THROUGH THE PRISM
OF A GENDER APPROACH**

L. G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, larisa166@mail.ru

The article analyzes the current content and dynamics of the development of women's organizations in Belarusian society as well as the research gender approach in the study of problems related to gender equality. The author is focused primarily on the non-government organizations devoted to mitigation of the social problems that are essential for women.

Women's organizations in Belarus include not only gender organizations that are fighting for gender equality in several spheres of life; they also include organizations helping women in trouble (poor families, single mothers, women suffering from home violence, etc.). Additionally, women's organizations unite the professional groups of women (in business, education) and those who provide services in advocacy, education, and social work. Three periods in Post-Soviet history of gender studies and building a network of women's organizations are selected: 1) the 1990s when these organizations were mushrooming and gender methodology was introduced in social science in Belarus; 2) the 2000s, when the state control over all the public organizations increased and caused their reduction; 3) the second decade of the XXI c., when e-network women's organizations appeared in Belarusian landscape. The third period is also characterized by the unexpected appearance of radical women's protest activities in 2020. This movement did not make a significant effect on women's organizations in Belarus, but highlighted some common characteristics of current situation in Post-Soviet countries: prevalence of social problems that are common for men and women (growth of poverty, decrease of standard of living, desire of young generations to actively influence decision-making process) and the necessity of joint social actions of all social groups. At the same time in a Belarusian society at large there is more interest to keep social achievements for women and families rather than fight for political rights and gender equality.

Key words: social problems of Belarusian society, family and motherhood problems, women's organizations, gender research approach, socio-political women's organizations, professional women's organizations.

Методология исследований гендерных проблем в белорусской социальной науке

В современном белорусском обществе, как ранее в советском обществе, феминистская и гендерная терминология не является популярной [Titarenko, Zdravomyslova, 2017: 126]. Этому много причин. Советская Белоруссия отличалась от других республик СССР социальным спокойствием. Проблемы женской занятости, разделения ролей в семье, повседневной практики женщин изучались в рамках марксистской методологии. Женщина традиционно рассматривалась через ее социальные роли работницы и матери [Юркевич, 1970; Юк, 1975]. Этот социальный контекст во многом обусловил менее активную (по сравнению с Россией) роль женских организаций и в постсоветской Беларуси. Сохранение марксистского подхода позволяло признавать ограниченную эмансипацию женщин, но «двойная занятость» женщин рассматривалась как данность, определяемая «женской природой» [Shchurko, 2015: 148].

Отметим, что характер исследований, связанных с женщинами, изменился после образования Республики Беларусь, когда в академической сфере усилилось зарубежное влияние. Гендерный подход стал использоваться в белорусской социальной науке только в постсоветскую эпоху. Несмотря на некоторые различия в интерпретации, его можно обозначить как признание необходимости достижения гендерного равенства, т. е. баланса женщин и мужчин в социальных институтах и общественной сфере. Продолжающееся декларирование равенства всех граждан перед законом затруднило признание гендерного неравенства на практике и его изучение с иных, нежели марксистские, позиций. В социальной политике и СМИ начала 1990-х гг. сохранялось неписаное признание социального

контракта женщины как работающей матери, феминистские теории были мало известны даже в научном сообществе. Однако благодаря внешним влияниям — как российским, так и западным — гендерный подход стал использоваться в белорусской социологии и других социальных науках в исследованиях социальных проблем практически в те же годы, что и в России [Чикалова, 2007: 91]. Период 1990-х гг. стал временем распространения в белорусской социологии гендерного подхода, тогда как феминистские исследования западного толка так и не получили широкого академического признания. Рост числа женщин в экономике, наряду с быстрой феминизацией бедности, сделал невозможным игнорирование разницы в интересах и положении полов, была эмпирически выявлена феминизация бедности и гендерные разрывы в оплате труда.

Создание в Беларуси женских организаций шло разными путями. Исследователи выделяют два главных: переструктурирование советских общественных женских организаций, готовых адаптироваться к новым социально-политическим условиям, и создание женских независимых негосударственных организаций, в той или иной мере опирающихся на гендерный подход и фокусирующих внимание на статусе и правах женщин в трудовой и политической сферах [Shchurko, 2015: 140].

Активную роль в создании и функционировании женских негосударственных организаций (НГО) в эти годы играла молодежь, желавшая перемен в Беларуси и готовая применить свои силы во благо молодому гражданскому обществу [Titarenko, 1999]. Данная особенность не являлась чисто белорусской: она имела место и в России, и в других постсоветских странах. Были и опытные женщины-активистки, создававшие женские организации с целью выравнивания гендерных статусов в обществе, прежде всего в политической сфере, такие как профсоюзный деятель В. Т. Полевикова, председатель общественной организации «Женское христианско-демократическое движение» Л. С. Петина.

Можно выделить несколько этапов развития гендерной исследовательской методологии в Беларуси и становления женских организаций.

Первый этап — 1990-е гг. На этом этапе происходит становление и институционализация женских организаций и одновременное признание в академических исследованиях адекватности применения гендерного подхода к решению социальных проблем, актуальных для женщин. Прежние советские организации были переструктурированы. Так появился массовый прогосударственный Белорусский союз женщин (БСЖ), традиционно возглавляемый министром труда или его заместителем и, подобно профсоюзам, объединяющий десятки тысяч женщин-тружениц. До настоящего времени БСЖ — самая массовая женская организация в стране, имеющая около 4,5 тыс. первичных организаций [Белорусский союз женщин, 2020]. Другие организации возникли с нуля и не зависели от государства. Это был период роста: общее число зарегистрированных женских организаций выросло с 2 до 23 [Женщины Беларуси... , 1997].

Появившиеся женские организации фокусировали свою работу на практических решениях проблем, затрагивающих положение женщин в экономике, управлении, образовании, семье. Направленность деятельности этих организаций выявляется на базе гендерного подхода, который определяет, в какой степени та или другая организация решает задачи, отражающие интересы женщин,

и стремится к утверждению их равноправия с мужчинами на практике [Хасбулатова, 2019: 15]. Руководствуясь гендерной методологией в анализе женских организаций, отметим их широкий спектр деятельности при низком уровне взаимосвязи и координации действий.

Гендерные академические исследования в Беларуси в постсоветское время, в 1990-х гг., развивались при финансовой поддержке зарубежных фондов. В негосударственном Европейском гуманитарном университете (ЕГУ), основанном в 1992 г. в Минске, в 1997 г. была открыта первая в стране гендерная программа и образован Центр гендерных исследований при поддержке Фонда Макартуров. В другом негосударственном вузе, Минском институте управления, уже на белорусские деньги и при законодательной поддержке властей в 2000 г. был открыт Белорусский научно-исследовательский центр гендерных проблем, ориентированный на исследования и образование — разработку учебных пособий по гендерным спецкурсам. Аналогичный центр появился и в Белорусском государственном университете (БГУ), где с начала 2000-х на отделении социологии стал обязательным курс «Гендерная социология», было выпущено первое учебно-методическое пособие по этой проблематике [Титаренко, 2002]. Студенты получали систематические знания по гендерным проблемам, знакомились с разными феминистскими методологическими подходами. В Минске с 1994 по 2012 г. существовал первый и единственный в СНГ женский негосударственный институт «Энвила», который готовил женщин — переводчиков, экономистов и психологов, проводил ежегодные научные конференции по гендерным проблемам. В этом вузе, наряду с гендерными, развивались «женские исследования», т. е. исследования, проводимые женщинами по женской проблематике. В 1998 г. здесь был создан Центр гендерных исследований. Постепенно в начале нового века в академической среде гендерные исследования стали привычными, гендерный аспект в экономических и политических исследованиях усилился, несмотря на закрытие и ЕГУ, и «Энвилы», а также последующее исключение курса «Гендерная социология» из обязательной программы социологического образования в БГУ.

Роль координатора действий официально зарегистрированных женских организаций взяло на себя Министерство труда и социальной защиты, в котором был создан отдел по работе с женскими организациями с акцентом на проблемах труда. Благодаря объединению усилий отдела и женских организаций последние могли представить свои предложения по изменению законов о труде, практики женской занятости, лоббировать отдельные реформы, быть в курсе инициатив министерства. Государство поддерживало те НГО, которые имели социально ориентированный характер и работали в русле официальной социальной политики, признающей роль матери в качестве основной в ансамбле социальных ролей женщин. Иначе говоря, это был механизм, позволявший женским организациям, близким к государственным структурам, оказывать воздействие на принятие государственных решений, связанных с гендерной политикой. Постепенно сформировалась модель гендерной политики, которая соединила действия по продвижению равенства женщин и мужчин в трудовой сфере с поддержкой традиционных ценностей в отношении роли женщины в семье и политике [Shchurko, 2015: 150]. Благодаря этой гендерной политике были приняты поправки к ряду законов о труде, материнстве, воспитании детей, а после участия

Беларуси в IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине (1995 г.) инициирован Национальный план действий для реализации целей достижения практического равноправия женщин и мужчин в стране.

Государственная власть предприняла серьезные меры для того, чтобы страна заняла достойное место в мировом рейтинге гендерного равенства, выпускала книги об успехах в поддержке женщин, семьи [Женщины Беларуси... , 1997; Семья... , 1999]. Но акцент в гендерной социальной политике по-прежнему делался на содействии именно тем социальным ролям, которые полностью соответствовали приоритетам государства (деторождение, крепкая семья, трудоустройство). В СМИ образ женщины-матери культивировался как символ Беларуси.

В то же время женщины-ученые представляли себя и общество иначе, предпочитая работать во фрейме гендерного подхода [Соколова, 2002]. Поэтому к началу *второго этапа* (2000-е гг.) женщины — исследователи гендерных проблем в рамках новой методологии и женские организации, использующие гендерный подход в своей деятельности (т. е. продвигающие идею гендерного баланса), оказались под двойным давлением. С одной стороны, государство, риторически полностью поддерживавшее гендерное равенство, в социальной политике жестко ограничивалось поддержкой женщины-матери и хранительницы очага, с другой — ощущалось давление молодого гражданского общества, ждущего демократических перемен [Shchurko, 2015: 149]. Эта противоречивая ситуация была зафиксирована и в социологических исследованиях. Согласно репрезентативным опросам тех лет, семья и дети признавались главной жизненной ценностью большинством женщин и мужчин, несмотря на то что половина браков заканчивались разводом. При этом более 50 % женщин указывали, что предпочитают партнерские, а не патерналистские отношения в семье, совместное ведение с мужем домашнего хозяйства, воспитание детей, т. е. имели эгалитарные взгляды на повседневную жизнь, не соответствующие патерналистской модели [Титаренко, 2004]. Однако в обществе сохранялись патриархатные массовые стереотипы [Бурова, 2018: 167]. В таких противоречивых условиях, осознавая разрыв между гендерными теориями и практикой, многие женские организации предпочли отказаться от феминизма и подстроить свою деятельность под официальные социальные запросы. Отдельные центры (ЕГУ, работающий с 2005 г. в Литве) и ученые остались на прежних позициях, но их голосов было почти не слышно. Под руководством феминистского историка И. Р. Чикаловой был реализован научный проект «Гендерные системы Беларуси и России: неопатриархальность или возврат к традиционным ценностям?» (2007—2009 гг.). Исследователь проблем труда социолог Г. Н. Соколова показала, что бедность и безработица имеют «женское лицо» [Женская безработица... , 1995; Соколова, 2010]. Гендерный центр ЕГУ выпустил культурологические и исторические работы о женщинах, включая сборник о женском опыте в белорусско-литовском регионе в разные исторические эпохи [Женщины на краю Европы, 2003].

В целом второй этап характеризовался ростом государственного нажима на исследовательские гендерные центры и женские организации: их число уменьшилось. К началу второго десятилетия гендерная риторика об успехах социальной политики затушевала сохранившиеся проблемы гендерного разрыва

в оплате труда и доступе в большую политику. Остались женские НГО (включая те, что возникли с зарубежной поддержкой), которые занимались конкретными социальными проблемами: направляли деятельность на борьбу с насилием в семье, защиту детей и прав женщин в трудовой, профессиональной сфере и т. п. Основными их функциями были выражение интересов разных групп женщин, помощь группам, нуждающимся в социальной поддержке, что соответствует пониманию роли женского движения в современном обществе. Среди таких НГО были волонтерские организации, организации по защите от домашнего насилия, помощи семьям и одиноким матерям, а также организации женщин-предпринимателей, женщин-преподавателей, организации по подготовке молодых женщин-лидеров и др. Тем не менее и раньше, и в нынешнем веке женские организации остались разрозненными, ориентированными на достижение целей прежде всего собственными силами.

Во втором десятилетии XXI в. начался *третий этап* развития женских организаций, вовлеченных в решение гендерных социальных проблем. Его отличительная черта — появление НГО, не имеющих официальной регистрации в соответствии с законодательством, которые функционируют как просветительские кружки с малым числом членов. Их активисты считают иные типы женских НГО недостаточно самостоятельными и бюрократизированными. Вторая отличительная черта периода — открытие интернет-порталов, блогов, которые перенесли фокус с реальной гендерно-ориентированной практики в плоскость интеллектуальных рассуждений, дискурсов о гендере (например, www.ngo.by, который в 2015 г. указывал 84 женских НГО в числе своих подписчиков). На этом этапе прекратили существование НГО, которым не хватало ресурсов в отстаивании прав женщин в условиях нежелания женских организаций разного толка объединять свои усилия. Продолжается деятельность женских организаций, которые ставят целью решение скромных, но конкретных задач по сокращению гендерного разрыва. Наконец, часть организаций стала работать вместе с государством, оказывая образовательные и другие услуги, т. к. эта деятельность получала официальную поддержку [Shchurko, 2015: 155].

К настоящему времени женские НГО заняли свою нишу, что отвечает интересам общества, в котором усиливается тенденция феминизации труда и возрастает внимание социальной политики к вовлечению женщин в практику решения актуальных задач — демографических, семейных, медицинских, образовательных. Основные женские организации представляют следующие группы: 1) оказывающие образовательные и просветительские услуги (Ассоциация молодых христианских женщин, «Гендерные перспективы», Клуб женщин-предпринимателей); 2) осуществляющие социальную и юридическую помощь женщинам в защите от домашнего насилия («Радислава», Женский союз, «Провинция» и др.); 3) научно-исследовательские центры («Гендерный путь», Гендерный центр ЕГУ); 4) занимающиеся пропагандой и лоббированием во власти интересов женщин (Белорусский союз женщин, Клуб женщин-предпринимателей). Все эти организации созданы в больших и малых городах страны. Область деятельности многих из них шире указанных в уставах основных направлений.

Проблема гендерного равенства в трудовой и политической сферах

Одна из главных сфер, в которых по-прежнему проявляется неравенство между женщинами и мужчинами, — экономика, занятость и оплата труда. Заметим, что не только страны бывшего СССР столкнулись с данной проблемой, усугубленной в ряде случаев сужением социальных программ для поддержания женщин. Даже страны Евросоюза, имеющие несоизмеримо больше финансовых ресурсов и выдвинувшие проблему гендерного равенства в число своих приоритетов, далеки от ее разрешения. Согласно оценке достижений Евросоюза по показателям индекса гендерного равенства, опубликованной в 2020 г., этим странам понадобится еще не менее 60 лет для достижения полного равенства [Gender Equality Index, 2020]. Что касается многих других стран мира, то им потребуется в среднем вдвое больше времени.

Поскольку показатели гендерного равенства входят во многие международные рейтинги, власти Беларуси поставили целью достичь высоких показателей гендерного равенства, как только республика в 1990-х гг. стала целенаправленно укреплять свои позиции на международной арене. Были предприняты шаги к достижению баланса в тех сферах, которые оцениваются в индексах (репродуктивные права, образование, экономические возможности, политическое участие). Социальная поддержка, оказываемая женщинам правительством в реализации их репродуктивных прав, весьма существенна. В условиях патерналистской социальной политики женщины стали реципиентами многих программ. Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, в течение которого за женщиной сохраняется рабочее место, составляет 3 года. Женщина, родившая 4 детей, получила право на пенсию, даже не имея стажа работы. Постоянно растет пособие по уходу за ребенком. По уровню образования и профессионального развития белорусские женщины намного обогнали мужчин. Усилия социальной политики привели к тому, что страна достигла гендерного паритета (и даже доминирования женщин) в образовании, улучшились возможности женщин на рынке труда. Известно, что в странах Евросоюза сегодня разрыв в оплате труда составляет 16 % [Говорова, 2020: 33]. В Беларуси — около 20 %. Страна заняла 6-е место по экономическим возможностям. В результате в 2018—2019 гг. Беларусь находилась на 28 и 29-м месте, по данным «Глобальных докладов о гендерном разрыве» [Беларусь... , 2019], обогнав Россию и другие страны СНГ.

Однако по такому показателю гендерного равенства, как политические права женщин, страна находится на 74-м месте рейтинга. В сфере политики для роста участия женщин во власти (в условиях фактического отсутствия сильных политических партий) были введены гласные и негласные квоты. В результате в белорусском парламенте уже много лет процент представительства женщин даже превышает квоту, которая рекомендована международными стандартами. Такое регулирование «сверху» позволило формально говорить о росте гендерного равенства, а также о том, что гендерные подходы в Беларуси приняты властью. Исследователи гендерных проблем в Беларуси назвали нынешнюю социальную политику гендерным популизмом [Соломатина, Шмидт, 2021]. Общество во многом сохранило общую патриархальную структуру: женщин охотно привлекают к второстепенным позициям в управлении на всех уровнях общества, но реальная власть остается за мужчинами.

Первая попытка побороть эту ситуацию и создать женское политическое движение предпринималась в 1994 г. Была создана женская партия «Надежда» под руководством профсоюзного деятеля В. Т. Полевиковой. Она ставила целью продвижение женщин в политику с целью их участия в принятии важных решений. Партия не добилась успехов и прекратила существование в 2007 г. В целом белорусские женщины не были самостоятельным субъектом в политике и в краткосрочных протестах, которыми сопровождались все президентские выборы. Женщины баллотировались во власть от «мужских» партий или выдвигались самой властью.

В 2020 г. на волне общего подъема политического самосознания женщины впервые приняли активное участие в массовых протестных движениях. Преобладала молодежь. Неожиданно для общества, в котором женщины традиционно выполняли роли статистов, женское протестное движение стало авангардом широкого социального движения, противостоящего властным структурам, т. е. включилось в коллективные действия, «бросающие вызов системе власти» [Chase-Dunn, Nagy, 2019: 427]. Тот факт, что это движение стало сетевым, является его второй характерной чертой, что соответствует мировым тенденциям сетевого общества, описанным М. Кастельсом.

Довольно скоро после активного включения в протестное движение роль женщин уменьшилась. Женское участие не получило четкой формы организации в условиях дефицита лидеров, слабой организованности именно как массового женского движения, размытости его перспектив и отсутствия собственно гендерных целей. Новых женских организаций не было создано. Женское движение, управляемое через сети, выполнило символическую роль в политической мобилизации масс и исчезло как отдельное движение. В соответствии с теорией М. Кастельса исчезновение социальных движений — это типичная их участь, так как на их место вскоре приходят другие политические игроки, активно стремящиеся к изменению общества [Castells, 2019: 314].

В Беларуси не проводилось репрезентативных исследований женских протестов, поэтому обратимся к российским опросам. По мнению российских исследователей протестной молодежной женской активности, последняя связана «не с ростом феминистских настроений в обществе, а с падением уровня и качества жизни» [Кушнарев и др., 2021: 107]. Обычно молодые девушки из состоятельных семей участвуют в протестах, желая получить больше политических прав. В белорусских протестах приняли участие женщины из разных социальных слоев, с разными целями. Те, кто имеет высокий уровень образования, активны в социальных сетях, хотели бы беспрепятственно пользоваться широкими гражданскими свободами (как к этому призывают социальные сети). Остальные участвующие группы женщин больше стремились противостоять снижению своего уровня жизни в условиях экономического кризиса и пандемии.

В то же время другие социальные группы населения, включающие и женщин, по-прежнему ориентированы на экономическую и социальную стабильность. Они поддерживают власть и осуждают тех, кто выходит на уличные акции. Парадокс ситуации состоит в том, что многолетние усилия власти, направленные на рост массового высшего образования и благосостояния населения, поддержку женщин-матерей, в условиях цифровой революции

и интернетизации общества принесли обратный эффект. Они способствовали распространению социальных сетей, а через них — сетевых протестных движений, особенно в городской среде. Минчанам, чей душевой доход более чем на треть превышает средний доход по стране, не хватало прав и широких демократических свобод. Концентрация в Минске студенчества, владеющего ИКТ и активно включенного в интернет-среду, неподвластную государственному контролю, способствовала его вовлечению в сетевые движения. Эти группы преобладали, хотя среди протестующих были люди всех возрастных категорий, объединенных недовольством сложившейся социально-экономической и политической ситуацией. Не политические движения и партии, а социальные сети (многие с территориями сопредельных стран), ставшие доминирующей технологией протестного движения, руководили женскими акциями, манипулируя ими и возлагая на них мифологизированную миссию «украшать протест» [Соломатина, Шмидт, 2021: 156]. Подобное участие привело многих женщин к разочарованию и психологическому выгоранию. Поэтому попытку сформировать в Беларуси в 2020 г. активное женское движение как разновидность социального движения нельзя считать удавшейся.

Выводы

Заканчивая рассмотрение социальных проблем в Беларуси, в решении которых принимают участие женские организации, выделим главное.

1. На протяжении всей истории Республики Беларусь женские организации постоянно находились под разнонаправленным влиянием государства и гражданского общества и поэтому не сформировали общей повестки женского движения, женской политической партии, женских фракций во власти, оставаясь разрозненными и слабыми для активного участия в общественно-политической жизни. Тем не менее есть сектор гражданского общества, представленный женскими НГО разной практической направленности. Их работа нацелена главным образом на помощь индивидам, но не на реформу социальных институтов, от которых во многом зависит достижение гендерного равенства.

2. Международные и другие зарубежные институты оказывают финансовую помощь многим женским НГО. Государство спонсирует только те из них, которые напрямую участвуют в выполнении актуальных социальных задач: демографических, воспитательных, общественно-политических.

3. Поскольку Беларусь достигла успехов в реализации гендерного равенства в образовании, продолжительности жизни, доступе к медицинским услугам, создается впечатление, что гендерной дискриминации больше нет. Однако, по мере ухудшения во втором десятилетии XXI в. социально-экономической ситуации, сохраняющееся гендерное неравенство в оплате труда, политике не исчезает, но теряет свою остроту на фоне общего ухудшения социально-экономического положения населения.

4. Гендерные организации продолжают участвовать в смягчении ситуации с домашним насилием, женским рабством, оказывать волонтерскую помощь малоимущим семьям, а исследования, проводимые на основе гендерного подхода, сохраняют за собой небольшое завоеванное пространство в научном сообществе, что особенно важно на фоне общего нарастания в СМИ традиционных

гендерных стереотипов и акцентирования традиционных ролей женщины — труженицы и матери.

5. Гендерный репертуар деятельности женских организаций включает в основном публичную сферу. Остальные вопросы остаются вне поля зрения большинства женских организаций и дискутируются на интернет-сайтах и платформах. Интернет-коммуникации активно использовались и в 2020 г., в период всплеска женской политической активности, которая, однако, играла символическую роль и не имела самостоятельного значения. Этот факт подтвердил, что женские объединения пока не стали значимой силой в политической сфере белорусского общества.

Библиографический список

- Беларусь — на 28-й позиции в рейтинге гендерного равенства. 2019. URL: <https://www.genderperspectives.by/events/news/belarus-na-28-pozitsii-v-rejtinge-gendernogo-ravenstva> (дата обращения: 25.12.2020).
- Белорусский союз женщин. 2020. URL: <http://oobsg.by/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (дата обращения: 10.01.2021).
- Бурова С. Н.* Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны // Журнал Белорусского государственного университета. Сер.: Социология. 2018. № 1. С. 161—168.
- Говорова Н. В.* Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 30—41.
- Женская безработица: проблемы, тенденции, перспективы / под ред. Г. Н. Соколовой. Минск: Ин-т социологии НАН Беларуси, 1995. 48 с.
- Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Минск: ПРООН в Республике Беларусь, 1997. 126 с.
- Женщины на краю Европы: сборник статей / под ред. Е. Гаповой. Минск: Европ. гуманит. ун-т, 2003. 423 с.
- Кушнарев Ф. Ю., Березин Д. Т., Румянцева Е. С., Шишалов Е. М.* Протестная активность женщин: виды, направления и тенденции: (на примере студентов ЯГПУ и ЯрГУ) // Alma mater. 2021. № 1. С. 107—114.
- Семья, женщины и дети г. Минска: статистический сборник. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 1999. 106 с.
- Соломатина И., Шмидт В.* Гендерный популизм в Беларуси // Неприкосновенный запас. 2021. № 1. С. 147—160.
- Соколова Г. Н.* Гендерные проблемы в транзитивной экономике Беларуси // Иной взгляд. Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2002. С. 14—15.
- Соколова Г. Н.* Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск: Беларус. навука, 2010. 460 с.
- Титаренко Л. Г.* Гендерная социология. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2002. 150 с.
- Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. 205 с.
- Хасбулатова О. А.* Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—26.
- Чикалова И. Р.* Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік. Мінск: Беларус. дзяржаўны ўніверсітэт, 2007. Вып. 3. С. 89—100.
- Юк З. М.* Труд женщины и семья. Минск: Беларусь, 1975. 238 с.

- Юркевич Н. Г. Советская семья. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1970. 208 с.
- Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge (UK): Polity, 2019. 318 p.
- Chase-Dunn Ch., Nagy S. Global social movements and world revolutions in the XXI century // *The Palgrave Handbook of Social Movements, Revolution, and Social Transformation*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 427—446.
- Gender Equality Index 2020. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/about> (дата обращения: 10.01.2021).
- Shchurko T. Gender sector and civil society in Post-Soviet Belarus // *Civil Society in Belarus 2000—2015*. Warsaw: East European Democratic Centre, 2015. P. 147—160.
- Titarenko L. Post-Soviet youth: engagement in civil society — Belarus and beyond // *Demokratizatsiya*. 1999. Vol. 7. № 3. P. 413—436.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: a Brief History*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 158 p.

References

- Belorusskiĭ soiuz zhenshchin* (2020) [Belarusian Women's Union], available from <http://oobsg.by/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (accessed 10.01.2021).
- Burova, S. N. (2018) *Gendernye issledovaniia v Belarusi: istoriia, sotsialnyi kontekst, osoby* [Gender studies in Belarus: history, social context, persons], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsiologiia*, no. 1, pp. 161—168.
- Castells, M. (2019) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Cambridge, UK: Polity.
- Chase-Dunn, Ch., Nagy, S. (2019) Global social movements and world revolutions in the XXI century, in: *The Palgrave Handbook of Social Movements, Revolution, and Social Transformation*, London, New York: Palgrave Macmillan, pp. 427—446.
- Chykalova, I. R. (2007) *Gendernyi podkhod v naukakh o cheloveke i obshchestve: smeshchenie issledovatel'skikh paradigim* [Gender approach in the sciences of man and society: shifting research paradigms], in: *Krynitsaznaustva i spetsyial'nyia gistarychnyia dystsypliny*, iss. 3, Minsk: Belaruskii dzerzhauny universitet, pp. 89—100.
- Gapova, E. (ed.) (2003) *Zhenshchiny na kraiu Evropy* [Women at the edge of Europe], Minsk: Evropeiskii gumanitarnyi universitet.
- Gender Equality Index 2020* (2020), available from <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/about> (accessed 10.01.2021).
- Govorova, N. V. (2020) Rynok Evropeiskogo soiuzha v tsifrovuiu epokhu: gendernyi aspekt [The European Union market in the digital age: gender features], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 30—41.
- Kushnarev, F. Yu., Berezin, D. T., Rumiantseva, E. S., Shishalov, E. M. (2021) *Protestnaia aktivnost' zhenshchin: vid, napravleniia i tendentsii: (Na primere studentov IaGPU i IarGU [Protest activity of women: types, directions and tendencies: (On the example of YASPU and YASU students)]*, *Alma mater*, no. 1, pp. 107—114.
- Khasbulatova, O. A. (2019) *Zhenskoe dvizhenie v sovremennoi Rossii* [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Shchurko, T. (2015) Gender sector and civil society in Post-Soviet Belarus, in: *Civil Society in Belarus 2000—2015*, Warsaw: East European Democratic Centre, pp. 147—160.
- Sokolova, G. N. (ed.) (1995) *Zhenskaiia bezrobotitsa: problemy, tendentsii, perspektivy* [Women's unemployment: problems, tendencies, perspectives], Minsk: Institut sotsiologii Natsional'noi akademii nauk Belarusi.

- Sokolova, G. N. (2002) Gendernye problemy v transitivnoĭ ekonomike Belarusi [Gender problems in transition economy of Belarus], in: *Inoĭ vzgliad*, Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyiĭ pedagogicheskiĭ universitet, pp. 14—15.
- Sokolova, G. N. (2010) *Ėkonomicheskaia real'nost' v sotsial'nom izmerenii: ėkonomicheskie vyzovy i sotsial'nye otvety* [Economic reality in the social dimension: economic challenges and social responses], Minsk: Belarускаia navuka.
- Solomatina, I., Shmidt, V. (2021) Gendernyiĭ populizm v Belarusi [Gender populism in Belarus], *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 1, pp. 147—160.
- Titarenko, L. (1999) Post-Soviet youth: engagement in civil society — Belarus and beyond, *Demokratizatsiia*, vol. 7, no. 3, pp. 413—436.
- Titarenko, L. G. (2002) *Gendernaia sotsiologiia* [Sociology of Gender], Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet.
- Titarenko, L. G. (2004) *Tsennostnyiĭ mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: Gendernyiĭ aspekt* [World of values of the modern Belarusian society: Gender aspect], Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet.
- Titarenko, L., Zdravomyslova, E. (2017) *Sociology in Russia: A Brief History*, London: Palgrave Macmillan.
- Yuk, Z. M. (1975) *Trud zhenshchiny i sem'ia* [Woman's work and family], Minsk: Belarus'.
- Yurkevich, N. G. (1970) *Sovetskaia sem'ia* [Soviet family], Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet.

Статья поступила 11.01.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus).